

Россиел. - 1994. - 9-15 февр. - С. 12.

Под сурдинку

«Концерт Саши Черного для фортепиано с артистом».
Режиссер Григорий Козлов. Исполнитель Алексей Девогченко.

Марина ЛОГИНОВА

Белый зонт повис на шпирме, как подстреленная птица. Тапер играет на разбитом пианино. Крышка фоно одиноко прикнулась где-то сбоку, обнажив несчастный позвоночник. Бронхитное дребезжание жалобно и томно. Это не немое кино. Не кухонная духота. Не звенящая прохлада неуютной пустоватой комнаты внаем. Это и то, и другое, и, и, и.

Это концерт. Стихи Саши Черного то торжественно шпывут, то несутся галопом, то вдруг взбрыкивают в мазурке так, что музыкант, в экстазе сливающийся с инструментом, выпевающий, выкрикивающий, нашептывающий или декламирующий до боли знакомые строки, лихо оттанцовывает ножкой, сверля удивленным глазом почтенную публику. Он похож на кентавра, он, кажется, нерасчленим с убогим пианино, с мелодиями, вылетающими вместе с прыгающими позвонками струн и клавиш. Артист немножко дразнит. Он переливается. Кажется, манера его разгадана, но нет - новая неожиданность, внезапный поворот не дадут привыкнуть, сбивают с толку. Некоторые стихи легко, будто сами собой, укладываются в мелодический строй, и тогда голос артиста, его интонация становятся вдруг похожи на голос и манеру Андрея Миронова - чуть-чуть, едва уловимо - и вновь увернется, уведет в сторону. Он то благодарен и сдер-

жан и выглядит немного марнерным и томным, то оборачивается спившимся слонятаем. Он полиглот. Свободно владеет языками мимики, жеста, музыки и слова. Сохраняя иронию автора, может, подчас не меняя позы, «вскочить» (или переселиться?) в персонаж. Иногда - мгновенно, иногда - не сразу, под сурдинку, и так же легко, как легко порой касается он пальцами клавиш. В самом первом наигрыше мелодии далекого романа, «Грез», неназойливо вдруг начинает подтрунивать над его сладковатым ароматом и, обрывая, настойчиво перефрази-

руя концовку, как в примерочной, подбирает нужную тональность, такт, размер для следующей мысли спектакля, для нового стихотворения, для нового движения. И перелетает в иную стихию. От Массне к Огинскому. От Бетховена к «Яблочку». А то, послушав указательный палец, старательно, как бы по слогам, наступит «семь-сорок».

Кисти рук Шопена, тело мима в согласии с поэзией Саши Черного. Музыка баюкает, несет, встряхивает, швыряет. Худенький белообрый маэстро с нечастой улыбкой, в шейном платке, черном жиле-

те, сбрасывает с плеч полинялый плед. Стул падает. Слезятся свечи. Отрывистый крик, но ни грана фальши: внутренняя сдержанность, чувство меры не позволяют выбиться из узды.

Ткань спектакля слишком сложна, чтобы назвать происходящее привычным словом «моноспектакль». Темы роятся, наваливаются, перелетают из одного стиха в другой, из одной стихии в другую. А в болезненной издевке плакатной сатиры вырисовывается невзначай российское неоглядное пространство - с пошлостью и душевной щедростью, с неизбывной тоской нашей и забубенностью,

с мелкотой быта и музыкой бытия. За картонными, «в ключья», страстями немое кино кроются истинные, живые и скорбные чувства.

«Хорошо при свете лампы»... «сырость капает слезами»... «заболеть бы, что ли, тифом»... «душистый мед искусства»... «в бездну русской пустоты»... «темно под арками... собора»... «увы, истлело тело, и нечем мне любить»...

«КОШКА СПИТ, ПОГАСЛА СВЕЧКА». Пианино не просто разбито - с него снесли полчерепа. Артист покачался на стуле, отстранился от фоно.

Опять завернулся зябко в плед. И погасил свечу.

Господа, вы еще не забыли, что такое ламентация? Не пугайтесь, ради Бога: это всего лишь «жалоба». С жалобы начинается спектакль, жалобой заканчивается. Может, новый жанр придумали те двое, кто сочинил сей концерт? Леша Девогченко, он же Саша Черный, и персонажи его стихов. Гриша Козлов, он же режиссер.

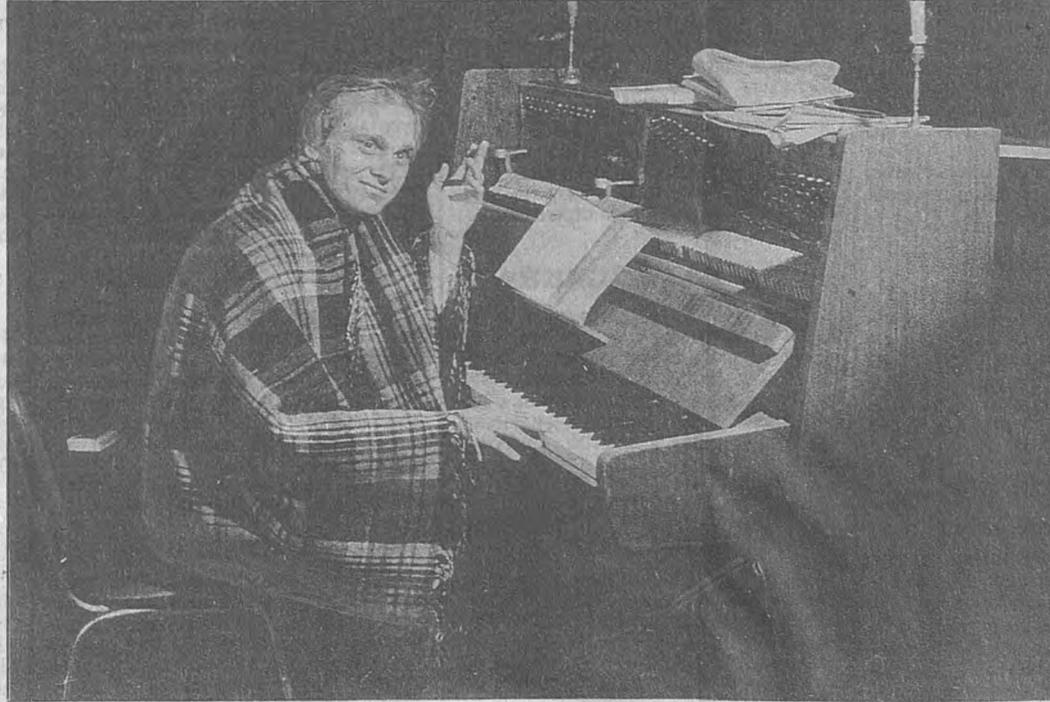
Жалоба - не в смысле «паквиль», но - подпольное посукуливание с всплесками бравады от Достоевского; хотя и без особой вывернутой рефлексии, но флегматично-едко.

Мирок героев Саши Черного именно таковым и видится в натуре: черноватеньким, клопняным, со слезящейся гнойной темнотой углов, в который можно уткнуться и повить с кривой усмешкой над собой и над судьбой. И сцена должна быть маленькой, этаким спеночкой «Балтийского Дома», на которой разыгрываются житейские скандалчики со страстями и тяжелыми амбициями маленьких человечков.

Так появился в нашем петербургском театральном пространстве памятник Саше Черному, построенный одним артистом и одним режиссером.

На снимке:
Алексей ДЕВОГЧЕНКО

Фото
Виктора ДЮЖАЕВА

Хочу отдохнуть от сатиры...
У лиры моей
Есть тихо дрожащие, легкие звуки.
Усталые руки
На умные струны кладу,
Пою и в такт головою киваю...

Саша Черный